

Добыча.

От затхлого воздуха не хотелось открывать глаза. Запах был совсем не похож на тот, что всегда царил в доме Ча И Сока. Веки и язык отяжелели от наркоза. Пол был липким и тёплым. Яба моргнул, фокусируя взгляд. Сверху на него смотрели растрескавшиеся стены и разбитые окна.

- М-мф...

Череп раскалывался, а суставы, похоже, сместились. События, которые он пытался восстановить, путались и менялись местами: Кан Ги Ха ворвался в квартиру, потом Яба вылечил «зловредного», головы бандитов взрывались... наяву или это ему приснилось?.. Внезапно возник образ Ча И Сока. Сердце рухнуло в пропасть. Яба вскочил, но тут же упал.

Теперь он заметил, что его запястья и лодыжки связаны. Ноги туго стянуты синей изоляцией, а руки так же крепко скручены за спиной. Разобраться, кто его связал и что это за место, можно и потом. Сейчас надо было выбирать любую цену. Пытаясь подползти к двери на ягодицах, он потерял равновесие и повалился на спину.

Взгляд упал на кожаную куртку и шлем, лежащие в углу комнаты. Яба вздрогнул от скрипа двери. В проём просунулась длинная нога и оттолкнула дверь. Вошёл мужчина. Из-за подноса в его руках, Яба не мог рассмотреть лицо.

Незнакомец поставил поднос и поднял Ябу, чьё тело обмякло как пустой мешок.

- Ударился? Лучше пока не двигайся...

Голос. Узнал его через секунду. Увидеть перед собой эти чёрные глаза именно сейчас - всё равно, что получить затрещину. Чжан Се Джун уложил его на одеяло. Яба застыл, не в силах пошевелиться, лишь наблюдая за ним. Как связан Се Джун с нападением Кана Ги Ха. Логика отказывалась складывать этот пазл. Но одно он хорошо понимал: о том, что Яба выжил, Се Джун не мог узнать, и уж тем более - организовать всё это. На свете лишь один кукловод способен управлять им как марионеткой.

- Это Кокаин?.. Эта сволочь тебя заставила?

- Не... нет.

Чжан Се Джун не выдержал взгляда. Он всё так же не умел врать.

- Ну, конечно, - прошипел Яба ему в лицо, и его разъярённое дыхание, казалось, оставит ожоги на коже предателя. - Мои надежды на тебя умерли ещё в прошлой жизни. Но мне плевать. Просто развяжи меня.

Чжан Се Джун молчал.

- Я сказал, развязывай!.. - несмотря на угрожающий тон Ябы, дрожащим голосом он напоминал подростка в первой драке.

- Ну почему я должен развязывать Се Джина?.. Он же убежит... и тогда я рассержусь... очень-очень...

-

- Говорят, здесь скоро построят новый дом. Почти всех выселили... Даже если Се Джин закричит, никто не придёт... В одном доме живет только глухая бабушка, а в другом - дядя, который напивается и ревёт.

Се Джун подвинул поднос ближе к Ябе.

- Голодный, да? Ты вчера потерял сознание и всё время спал... Ничего не ел...

- Развяжи меня!

Яба пнул поднос, закуски и суп оказались на коленях Се Джуна. Слова Кана Ги Ха засели в голове. Им Су - профессиональный киллер, не знавший промахов. Для босса он был страховкой от любых неожиданностей.

- Дай мне свой телефон. Мне нужно позвонить. Быстрее!

Плечи Се Джуна напряглись.

Яба думал, что только получив хоть какие-то новости о Ча И Соке, он сможет сохранить рассудок.

«Только бы он был жив... Прошу...»

- Тогда узнай, что с Ча И Соком. Ты помнишь домашний номер той госпожи, у которой работал? Это её сын.

- Почему?.. - простонал Се Джун, - Он ведь обманщик. Че У сказал, что этот человек похитил Се Джина и держал в плену. Тогда зачем о нём заботиться? Он причинил зло Се Джину.

- Настоящее зло - это твой божок Кокаин! Хватит бредить, просто узнай, жив ли Ча И Сок.

- Я не думал, что Се Джин выжил... Почему... не сказал мне? Я всё это время хотел умереть...

- ...И лучше бы умер! Теперь придётся самому убить вас обоих!

Беспомощно извиваясь, он пополз к двери. Несмотря на стокилограммовый вес Ябы, брат легко поднял его и кинул обратно на одеяло. На этот раз более жёстко. Его глаза горели от злости.

- Ты хочешь к нему? - протянул он, словно каждое слово причиняло боль. - Он так тебе нравится?

Вопрос который задал Се Джун привел его самого в ярость. Он схватив Ябу за грудки и навалился. Ткань рубашки натянулась и пуговицы, не выдержав, отскочили. Се Джун провёл рукой по груди и ключицам, внезапно оказавшимся перед глазами. Покрасневшие уши и агрессивное дыхание напоминали ту давнюю ситуацию, ту безысходность, когда член брата тёрся о его сомкнутые зубы.

Се Джун уверенно дёрнул молнию у себя на брюках. Эрекция взрослого мужчины на фоне детского поведения выглядела жутко.

Лицо исказилось. Мясистый язык грубо залез в рот Ябы. Затем он облизал подбородок и шею. Соски обдавало тяжёлым дыханием и стонами. Эти больные желания не должны были осквернять родного брата. Нет, они и не братья давно. От отвращения подкатила тошнота.

Скованными ногами ударил Се Джуна по бедру - тот даже не пошатнулся. У старого шкафа тускло поблёскивал большой секатор. Запачканные лезвия странно напоминали ту самую бейсбольную битку из его кошмаров. Се Джун сжал его ягодицы с животной силой и резко раздвинул.

- Ха... а-ах... - дыхание превратилось в хрип. - Не могу терпеть. Я хотел дождаться прощения от Се Джина... Но...

- М-х!.. Хватит! Ты совсем охренел?!

Чжан Се Джун начал тереться своим набухшим членом о его промежность, постепенно смещаясь ниже. Кровь отхлынула от лица. Связанные запястья судорожно дёргались, скользя по полу.

Се Джун схватил его пенис и грубо оттянул. Затем его возбужденные пальцы нащупали сморщенную мошонку и вдруг замерли. С глупым выражением лица Се Джун отдёрнул руку.

В нейронной каше его повреждённого мозга мелькнуло понимание: мальчики должны иметь то, чего здесь явно не было.

Брат с телом взрослого и разумом ребенка.

Брат с телом подростка и разумом взрослого.

Проклятое воссоединение неполноценностей.

- Помнишь? - прошептал Яба, пока Се Джун переживал шок. - В Рождество десять лет назад меня похитили. Когда ты бросил меня ради Кокаина. Именно тогда я стал таким.

Рот Се Джун беззвучно ловил воздух, словно ребёнок, пытающийся вспомнить забытое слово. Наконец, без всяких оправданий, он выдавил:

- Про... прости... меня.

После всего, что выпало на долю Ябы, это покаяние звучало до смешного убого. Родной человек, недостойный даже так называться, отвернулся от него и оставил в одиночестве дрожать от страха. Если бы в тот давний день Се Джун дослушал до конца первую песню, которую Яба хотел ему спеть, может и ненависти не возникло бы. У Ябы не отняли бы будущее. Он уставился на брата красными глазами.

- Не надейся всё загладить своей трепотнёй. В тот день ты выкинул последнее, что имело смысл! Даже не моргнул, когда предал самое важное! Это ты меня таким сделал! Разрушил мою жизнь! Лучше бы тебе разорвало башку, какого хрена ты сейчас вылез!

Даже желание врезать Се Джуну по спине было обречено на провал из-за связанных конечностей. Яба лишь мог биться головой ему в грудь, кусать его одежду и плоть под ней.

- Ты меня бросил! Почему?! Почему?!

Когда они были маленькими, Хён Ук однажды поймал ящерицу, маленькую небесно-голубого цвета. Хён Ук предложил разрезать ей брюхо. Яба ненавидел свой дом, где всё пропахло испражнениями. Ему хотелось продлить время, проведенное с Хён Уком. Даже ценой жетокости. Поэтому он согласился остаться с Хён Уком и убить ящерицу. Вместе они лишили существо хвоста и половых органов

Может, это был самец, отправившийся за кормом для потомства? Или детёныш, впервые рискнувший выбраться из укрытия? Никакие демоны в душе не виноваты - именно отторжение семьи привело к смерти ящерицы. И Кокаин получал яд не из-за зависти, а за нанесенные Ябе раны.

- Отъебитесь от меня со своим культом Кокаина. Хоть всю жопу ему вылижи, и сдохни где-нибудь подальше! Исчезни, наконец!

Он устал. Хотел только одного – чтобы его оставили в покое. Стереть с себя клеймо психа и наркомана. Просыпаться просто человеком.

Задыхаясь, он рухнул на пол.

Чжан Се Джун сжал своё крупное тело в комок у ног Ябы.

- Прости... прости меня... – твердил Се Джун уткнувшись в колени брата. – Я всё для этого сделаю. Всё что угодно...

- Развяжи меня.

- Пожалуйста прости...

- Развязывай, придурок!

- Можешь делать со мной что угодно, я просто буду рядом.

Он клялся сделать всё, кроме того, о чём просил Яба. Слепая преданность Кокаину заглушала даже зов крови.

Яба в изнеможении упал на постель. Чжан Се Джун аккуратно расправил его одежду и спрятал свой отвратительный стоячий член. Затем убрал следы беспорядка и вышел. Спустя время он вернулся с заново накрытым обедом. Чаша для риса была доверху наполнена яйцами насекомых - настолько свежими, что от них ещё поднималось влажное тепло. В супе плавали клубки глистов. Также были насекомые-гриль и салат с тараканами. Настоящий пир для энтомофага.

- Поешь хоть немного. Ты же голодный со вчерашнего дня.

Ябе хотелось есть. Это необходимо, чтобы обрести силы на побег. Ведь он выжил в автомобильной аварии и выдержал операцию на мозге. Умереть с голоду в вонючей дыре ему не позволит гордость. Но опуститься до поедания насекомых он ещё не успел.

Смог бы Кан Ги Ха съесть внутренности Ча И Сока на ужин? Яба согнулся пополам, содрогаясь от рвотных позывов. Чжан Се Джун в спешке вынес его на кухню и попытался снять с него испачканную одежду.

- Отвали.

- Но одежда грязная...

- Нет ничего грязнее тебя и Кокаина.

Рука Се Джуна безвольно опустилась. Он принёс таз с водой, обмотал полотенце вокруг шеи Ябы и начал его умыть. Сквозь мыльную пену ощущались огрубевшие ладони. После того как Чжан Се Джун вымыл даже ноги Ябы, он тихо вышел. И снова этот проклятый кухонный шум за стеной: звон посуды и бульканье супа.

В комнате была лишь кровать и маленький шкаф, но всё равно казалось очень тесно. Вдруг размалёванные стены и планировка дома показались знакомыми. Это был тот самый дом, где они жили десять лет назад. На заплесневелых обоях угадывался детский рисунок цветными карандашами, неумело, но старательно: деревья, цветы, целый вымышленный мир. Его нарисовал маленький Яба.

За это мать едва не забила его насмерть. Чжан Се Джун пытался защитить его, но ему разбили голову бутылкой. Конфликт был исчерпан, когда мать потушила сигарету о ногу Ябы, приводя нервы в порядок.

- Не волнуйся... я... больше не дам причинить Се Джину боль... - успокаивал старший брат.

В ту ночь он до утра держал его в объятиях. Кажется тогда они последний раз видели мать живой, на следующий день её нашли околелшей.

На матовом стекле двери мелькнула тень.

- Того человека... ударили ножом возле дома, но его вылечил Че У... Он передал тебе не волноваться, Че У останется рядом с ним.

Пена, видимо, смылась не полностью и в глазах щипало. Интересно, как пристроилась эта мелкая гадина в гардеробной? Жаль, если сдохла и превратилась в шашлык. Знал бы заранее - пустил бы на сумку. Столько сырья пропало.

Свитер, сползший с плеча, отдавал кислым запахом рвоты.

Кокаин, вероятно, сейчас чарует Ча И Сока своим сладким пением и невинной мордашкой? Значит, скоро снимет проклятие... Ну да, директору Ча надо восстановить силы и завоевать «Тэ Рён Групп». Ему сейчас не до строптивых свиней, от которых одни проблемы.

Яба поклялся себе: если получит шанс вырваться отсюда, то никогда не пропустит ни одной тренировки, и даже смирится с тем, что Ча И Сок принимает его за питомца. Но быть стёртым из памяти директора Ча - это внушало страх больше всего.

«Где бы достать антидепрессанты?»

Эти голубые пилюли, после которых на душе легко, и в голове – только Ча И Сок...

Заколоченные окна отрезали Ябу от внешнего мира. Из-за влажного воздуха кожа стала липкой, похоже, шёл дождь. Как сильно пострадал Ча И Сок? Куда его ранили? Окажись Яба рядом с ним в тот момент – и не пришлось бы привлекать Кокаина.

Внезапное головокружение заставило его прислониться лбом к стене. Прислушавшись, он уловил шум дождя и разомкнул губы.

Полагаясь на энергопроводимость воды, он отпустил мелодию на простор.

«Да услышит её тот, чья душа и тело истерзаны».

Дай мне омыть

Злую участь слезами,

Освобожу я душу свою...*

Ринальдо отправляется в бессрочное странствие, чтобы выволить свою возлюбленную Альмирену из замка злого короля. На пути у Ринальдо появляется волшебница Армида и насылает на него свои чары. Завороженный герой полностью забывает о цели своего путешествия.

Ринальдо и Пинкертон – оба были из тех, кто неизбежно теряет интерес, едва сорвав цветок девственности. Альмирену рано или поздно постигла бы та же участь, что и Чио-Чио-Сан.

Финал истории не сохранился в памяти: то ли Ринальдо счастливо прожил сто лет в союзе с волшебницей, то ли Альмирена, измученная ожиданием, бросилась с башни.

Освобожу я..

Освобожу я..

Освобожу я душу свою

Песня угасла. Горячий узел в горле не ослабевал. Яба сглотнул. Последние слова произнесенные в пол были еле слышны. Но Яба не упустил напрасно ни звука. Его голос, пройдя сквозь плесень и бетон, растворился в дожде. Это была ария без страсти, но с достаточной глубиной, чтобы оглянуться на своё изуродованное детство.

Раздался шорох. Когда он повернул голову на звук, дверь оказалась открыта. За ней стоял Чжан Се Джун, застывший, будто под гипнозом. Только его чёрные зрачки дрожали.

Скорбь - это щит

От дурных притязаний,

Я облегчение выстрадаю...

Яба смотрел сквозь пелену равнодушия, перебирая во рту слово за словом, как чётки. Чжан Се Джун замороженно молчал, пока последние вибрации не успокоились в тишине.

* П.п.: "Lascia ch'io pianga" - ария Альмилены из оперы Г.Ф. Генделя «Ринальдо» (1705).

<http://bllate.org/book/14585/1293836>